

С адом покончено? Часть 1

Альберт Молер

(Д-р Р. Альберт Молер-мл. – президент Южной баптистской богословской семинарии [США], главного образовательного органа Южной баптистской конвенции, к тому же представляющего собой одну из крупнейших семинарий в мире. Вдобавок к этим обязанностям, д-р Молер много пишет и выступает на богословских конференциях.)

Оценивая период модернизма, итальянский литературный критик Пьеро Кампорези написал: «Сегодня мы можем точно сказать, что с адом покончено. Великий театр пыток закрывается на неопределенный срок. Эта полная ужасов постановка, шедшая на подмостках уже более 2000 лет, больше не вернется на сцену. Продолжительные триумфальные гастроли закончены. Сезон закрыт». Свет потушен, занавес опущен. Для миллионов людей по всему миру учение Библии об аде кажется лишь пережитком прошлого. А для многочисленной постмодернистской публики библейское учение об аде просто невысказано.

Может быть, граждане западных стран просто решили, что ада нет? Но можно на самом деле просто выкинуть эту доктрину из головы? Оз Гиннесс отмечает, что «западное общество достигло состояния плюрализации, где выбор – это не просто образ жизни, это образ мыслей. Выбор стал самоценностью, даже приоритетом. Быть современным – значит пристраститься к выбору и переменам. Перемены стали самой жизненной сутью». Личный выбор стал срочной необходимостью. Социолог Питер Бергер назвал его «еретическим императивом». В подобных условиях богословие подвергается стремительной и постоянной трансформации, подогреваемой ветрами культурных течений. Миллионы людей, живущих в постмодернистском мире, воспринимают истину как вопрос личного выбора, а не божественного откровения. И, конечно же, мы, современные люди, отказываемся выбрать возможность существования ада.

Чаще всего те, кто испытывает перемены на себе, их не замечают, а те, кто пропагандирует их, отрицают их. Как отмечает Дэвид Ф. Уэллс, «поток исторической ортодоксии, некогда питавший евангельскую душу, оказался запружен мирской суетностью. При этом многие не желают признавать ее мирской, благодаря ее невинной вкрадчивости... Эта ортодоксия не могла похвастаться безошибочностью, она не была без порока и недостатка. И все же я не думаю, что эта эмансипация, свойственная большей части евангельского христианства, и отход от богословского фундамента стали залогом большей верности. Скорее, они привели к противоположным результатам. Сегодняшние евангельские христиане имеют меньше убеждений, у них меньше заинтересованности в истине, они менее серьезны, их убеждения менее глубоки, они менее способны провозглашать Слово Божье, чтобы дать современному поколению альтернативу их образу мыслей».

Наше внимание привлекает вопрос: что же стало с адом? Что же такое произошло, что даже те, кто называет себя евангельскими христианами, активно пропагандируют и проповедают идеи универсализма, инклюзивности, постмодернистского евангелизма, условной аморальности и аннигиляционизма – хотя раньше евангелисты были известными

противниками подобных идей? Слишком многие евангельские христиане стремятся найти любую возможность не связывать себя с учением, само упоминание о котором вызывает смущение и смятение.

Ответ на эти вопросы можно найти, осознав влияние на христианское богословие культурных течений и преобладающего мировоззрения. Со времен эпохи Просвещения богословы были вынуждены защищать достоверность своих убеждений и практики. Мирское мировоззрение, отрицающее сверхъестественное откровение, обязательно отвергает и христианство. Причем под христианством понимается система ценностей и ее притязания на истину. Но мирское мировоззрение стремится трансформировать притязания на истину со стороны любых религий в вопрос личного выбора и мнения. Естественно, что христианство, лишенное своего вызывающего богословия, низводится до уровня одной из форм простой «духовности».

Тем не менее, отдельные доктрины вызывают особое неприятие в модернистском и постмодернистском разуме. Традиционное учение о том, что ад – это место вечного наказания, является особым преткновением. Это учение бросает вызов современной чувствительности и вызывает смущение даже у тех, кто называет себя христианином. Таких людей Фридрих Шлейермахер назвал «культурными ненавистниками религии», и самую яркую ненависть в них вызывает доктрина об аде. Как сказал один из обозревателей, в аде должен быть кондиционер.

Либеральный протестантизм и Римский католицизм перестроили свои богословские системы таким образом, что этот соблазн исчез. Теперь можно спокойно зайти в их соборы и церкви, будучи уверенным, что раздражающей проповеди об «огне и сере» там не услышишь. Весь груз борьбы и отстаивания библейской доктрины об аде лег на плечи евангельских верующих, последних, кто полагает, что истина имеет значение.

Но как же случилось так, что и внутри евангельского движения огромное количество уважаемых лидеров в настоящее время отвергает учение об аде, заменяя его учением об уничтожении (аннигиляционизм) или чем-либо другим? Ответ однозначно лежит в плоскости теодицеи – требования обосновать благодать Бога перед лицом современных нападков.

Современный секуляризм требует, чтобы любой, кто станет говорить в защиту Бога, должен сначала доказать, что Он есть. Задача теодицеи – выступить в защиту Бога перед лицом зла. Государства и социумы, порождающие и десятилетиями практикующие убийства, Холокост, массовые аборты и государственный террор, сейчас требуют, чтобы Бог отвечал на их вопросы и дал Себе новое определение под их диктовку.

И это все развивается на фоне целой цепи взаимосвязанных культурных, богословских и философских изменений, каждое из которых подсказывает на ответ на наш вопрос: так что же стало с евангельским учением об аде?

Во-первых, изменилось представление о Боге. Нынешняя культура отвергла библейское представление о Боге, заклеив его как ограничивающее человеческую свободу и

оскорбительное для человеческих чувств. Божья любовь была переопределена и лишена святости. Божий суверенитет больше не тревожит человеческую автономию. А за последние годы даже Божье всеведение получило новое определение. Бог может знать все что угодно, но только не решения, которые человек примет на основании своей свободной воли.

Евангелисты-ревизионисты делают все возможное, чтобы Божья любовь выглядела ненасильственной, чтобы мы даже мысли себе не допускали, что Бог может отправить нераскаявшегося грешника на вечные муки в адском огне. Они пытаются очистить репутацию Бога, запятнанную богословами, веками придерживавшихся традиционной доктрины. Они уверены, что Бог вовсе не такой. Он никого, даже самого виноватого, не осудит на вечные муки и страдания.

Богослов Герхард Вош предостерегал от опасности отделить Божью любовь от других атрибутов Бога, отмечая, что даже несмотря на то, что согласно откровению Божья любовь относится к Его основополагающим атрибутам, в то же самое время она определяется Его остальными атрибутами. В таком случае, замечает он, можно «одну сторону истины преувеличить и пренебречь другими не менее важными принципами и требованиями христианства». И это неизбежно приводит к небиблейскому сентиментализму, где Божья любовь становится индальгенцией, несовместимой с Божьей ненавистью ко греху.

В этом плане язык ревизионистов является весьма показательным. Любого Бога, поступающего так, как учит традиционная доктрина, они называют «мстительным», «жестоким», «больше похожим на сатану, чем на Бога». Например, Кларк Пиннок делает приемлемость доктрины о Боге для современного разума центром своего богословия: «Я полагаю, что если Божий образ неубедителен, то и надежность веры в Бога будет падать». Позже он добавляет: «На сегодняшний день легче предложить людям найти смысл жизни в динамичном, личностном Боге, чем требовать от них найти его в неизменном, заикленном на себе божестве».

Продолжая эту мысль, можно заключить, что легче убедить неверующих поверить в Бога, никогда никого не наказывающего, даже если он достоин вечной кары, чем убедить их поверить в Бога, Которого проповедовали Джонатан Эдвардс и Чарльз Сперджен. Но остается невыясненным вопрос: неужели задача библейского богословия состоит в том, чтобы продвинуть Бога на рынке сегодняшней культуры? Или всё же мы должны любой ценой придерживаться ортодоксальных библейских убеждений? Как мы уже говорили ранее, современное общество требует, чтобы Бог был гуманистом, то есть, Он должен отвечать человеческим стандартам праведности и любви. В конце концов, только сам Бог может защитить Себя от критиков.

Наша задача – представить истину христианской веры ясно, бесстрашно и дерзновенно. Защита библейского учения в наше время невозможна без всех трех упомянутых добродетелей. Ад – несомненная реальность, четко представленная в Библии. Убегать от этой реальности, ослаблять разрушительную силу греха и угрозу ада – значит извращать

Евангелие и заражать себя ложью. Против ада нельзя голосовать, ад нельзя переопределять. Предадим ли мы эту истину под напором современных скептиков?

Нынешние споры снова затрагивают этот вопрос в среде американских христиан и даже в среде некоторых евангельских верующих. Тем не менее, невозможно оставаться библейским христианином, отвергая библейское учение об аде. Ни одна доктрина не существует в отрыве от других.

© albertmohler.com. Первоначальная статья опубликована во вторник 8 марта 2011 г. на английском языке здесь: <http://www.albertmohler.com/2011/03/08/doing-away-with-hell-part-one/>. Переведено и опубликовано на сайте www.propovedi.ru с разрешения.